

К читателю

Дневниковые записи, записи на полях, проза как вечный черновик, где смешается прошлое, настоящее и будущее, и, конечно, стихи...

Такой видела вторую, ненаписанную часть своей главной книги «Дневные звезды» Ольга Берггольц. И добавляла: «Начать на разбеге...»

Только так, безоглядно, на разбеге, можно рассказать историю любви: *«Дорогой мой, ты не узнаешь этого. Это было уже после тебя... О, ничего, ничего, пусть они все это слышат, мне не стыдно, мне надо, чтобы они знали, слышали о тебе, о моей, нашей любви...»*

Только так, безоглядно, на разбеге преодолевая «глухонемое время», можно рассказать о крестном пути поколения, *«прошедшего зоною пустыни»*: *«...Но если я не расскажу о жизни и переживаниях моего поколения в 37—38 гг. — значит, я не расскажу главного... <...> Великая, печальная, молчаливая вторая жизнь народа! ...Эта вторая жизнь. Если б мне только написать о ней...»*

Только так, безоглядно, на разбеге, можно обратиться к Родине, «жестоккой матери своей, на бесполезное страданье пославшей лучших сыновей», и просить ее, без надежды быть услышанной: *«Не искушай доверья моего. / Я сквозь темницу пронесла его... / Ни помыслом, ни делом не солгу. / Не искушай — я больше не могу».*

Только так, безоглядно, на разбеге, не позабыв годы «гонения и зла», можно воскликнуть в первый день войны: *«...Вот жизнь моя, дыханье. / Родина! Возьми их у меня!»* — преподав урок непостижимого в наши дни патриотизма.

Только так, безоглядно, на разбеге, можно обращаться к потомству — к нам: *«...Черт тебя знает, потомство, какое ты*

будешь... И не для тебя, не для тебя я напрягаю душу... а для себя, для нас, сегодняшних, изолгавшихся и безмерно честных, жаждущих жизни, обожающих ее, служивших ей — и все еще надеющихся на то, что ее можно будет благоустроить...»

Вот так, на разбеге — «от сердца — к сердцу» — мы и делали эту книгу. Такой путь «прям и страшен», но именно его выбрала для себя Ольга Берггольц. Читатель, вы, несомненно, сумеете оценить щедрость и величие этого человеческого и поэтического жеста.

*

«...Прекрасно, что ранняя жалость / не трогала наших сердец», — сказала Берггольц в сороковом году о начале тридцатых, чтобы спустя годы и годы эхом, как через бездну, самой себе отозваться: «Так мало в мире нас, людей, осталось, / что можно шепотом произнести / забытое людское слово: жалость...»

Между этими стихами лежит время, которое Берггольц назвала своим *«жестоким расцветом»*, подразумевая необыкновенный взлет творчества. Это время началось в 1937—1939 годах, когда Берггольц сначала проходила свидетелем по очередному сфабрикованному процессу и после допроса попала в больницу с преждевременными родами, а спустя полтора года была арестована уже как «активная участница контрреволюционной террористической организации» и, после очередного допроса, в тюремной больнице опять потеряла ребенка.

Это время «жестокоего расцвета» продолжилось в войну, о которой Ольга Берггольц скажет — с высоты своего знания — *«на вольном и жестоком языке»*, дарованном ей страшным опытом конца тридцатых: *«Тюрьма — исток победы над фашизмом, потому что мы знали: тюрьма — это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра — война, и были готовы к ней»*.

К войне — наверное. Но к блокаде... *«Небывалый опыт человечества»*, — скажет она о блокадной трагедии.

«Я здесь, чтобы свидетельствовать...» Этому вольно или невольно следует любой писатель. Вопрос в том, *чему* свидетелем он оказался, *какой* Атлантиде не должно позволить *«утонуть в забвении...»*.

Свидетельства О. Берггольц — это не только ее стихи и проза, но в первую очередь блокадные дневники, страшные и об-

жигающие, как ленинградский лед 1941—1942 годов. Дневники эти тоже о «великой, печальной, молчаливой второй жизни народа», о *мученичестве* Города, *принявшего пытку голодом*. Города, который — может быть, единственный в мире — оправдал приставку «*санкт*» в своем имени.

Знаменательны и свидетельства Берггольц о поездке в Москву, куда ее, предельно истощенную, друзья отправили в марте 1942 года. Она провела в столице меньше двух месяцев, постоянно порываясь вернуться: дышать там — после «высокогорного, разреженного, очень чистого воздуха» ленинградской «библейски грозной» зимы — было нечем.

«Здесь не говорят правды о Ленинграде...» «...Ни у кого не было даже приближенного представления о том, что переживает город... Не знали, что мы голодаем, что люди умирают от голода...» «...Заговор молчания вокруг Ленинграда». «...Здесь я ничего не делаю и не хочу делать, — ложь удушающая все же!» «Смерть бушует в городе... Трупы лежат штабелями... В то же время Жданов присылает сюда телеграмму с требованием — прекратить посылку индивидуальных подарков организациям в Ленинград. Это, мол, „вызывает нехорошие политические последствия“». «По официальным данным умерло около двух миллионов...» «А для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?...»

И — через все дневниковые записи и письма этого периода рефреном идет: «В Ленинград — навстречу гибели, ближе к ней... Скорей бы в Ленинград!»

Именно Ольгу Берггольц Ленинград выбрал в те годы своим поэтом.

И когда власть, сначала в 1946-м, а потом и в 1949-м, решила осадить Город, выживший *несмотря ни на что* и осознавший свое *самостоянье* («залог величия»), — перед Берггольц опять замаячила «разлуки каторжная даль» («...не будет ничего удивительного, если именно меня как поэта, наиболее популярного поэта периода блокады, — попытаются сделать „идеологом“ ленинградского противопоставления со всеми вытекающими отсюда выводами, вплоть до тюрьмы»). Именно к этому периоду относится история «пробитого дневника», рассказанная в нашей книге.

И что с того, что ее, острую на язык, «неудобную», городские власти никогда не приглашали 9 мая на трибуну во время

парадов Победы... Ольга Берггольц всегда оставалась *народным* поэтом «по праву разделенного страдания».

*

Именно дневники времени «жесточкого расцвета», 1939—1949 годов, легли в основу этой книги. В нее вошли письма этого периода, отрывки из второй части книги «Дневные звезды» и подготовительные материалы к ней и, конечно, избранные стихотворения и поэмы.

В книге впервые публикуются материалы хранящегося в архиве ФСБ следственного дела О. Берггольц, доступ к которому был получен лишь в 2009 году. Приводятся редкие фотографии и документы из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, личный архив О. Берггольц, ф. 2888), фотографии и письма из Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (личный архив О. Берггольц, ф. 870), впервые публикуются материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (личный архив Н. Банк, ф. 1397), материалы из личного архива Д. А. Гранина, фотографии из семейного архива наследников О. Берггольц. Включены также воспоминания об О. Берггольц.

*

Человеческая память — самый надежный носитель наших страданий и радостей. Тема памяти проходит через всю эту книгу, вышедшую в год 100-летия О. Берггольц и в 65-ю годовщину Победы, доставшейся Великой ценой.

«Никто не забыт, и ничто не забыто...» — слова О. Берггольц, высеченные на мемориальной стене Пискаревского кладбища, в контексте и ее жизни, и жизней миллионов наших соотечественников обретают смысл, выходящий за пределы войны и Блокады.

«Но даже тем, кто все хотел бы сгладить / в зеркальной робкой памяти людей, / не дам забыть...»

Память — главное действующее лицо этой книги.